

УДК 75(470)
ББК 85.14(2)
Б14

Во внутреннем оформлении использованы фотографии:

© Alexander Makarov / Alamy / DIOMEDIA;

© Рудольф Кучеров / РИА Новости

© Киноконцерн «Мосфильм» (Кадры из фильмов)

© «Государственный Эрмитаж», фотографии, Санкт-Петербург, 2019

© «Государственная Третьяковская галерея», фотографии, 2019

© «Государственный Русский Музей», фотографии, Санкт-Петербург, 2019

© Белинский Юрий / Фотохроника ТАСС

Багдасарова, Софья Андреевна.

Б14 Воры, вандалы и идиоты : Криминальная история русского искусства / Софья Багдасарова. — Москва : Эксмо, 2019. — 232 с. : ил. — (Искусство с блогерами).

ISBN 978-5-04-101420-9

Глупость, надежда на авось и пьянство — вот то, что отличает русские преступления в сфере искусства:

— Отковырять 602 бриллианта от икон и три дня прятаться за иконостасом, чтобы потом изнемогнуть от голода и жажды, и в буквальном смысле свалиться на голову полицейским.

— Среди бела дня зайти в Эрмитаж и вырезать холст из рамы, сложить его в несколько раз... А потом подбросить картину видному политику.

— На глазах у публики вынуть картину из рамы, оставить на брошенной раме свои отпечатки пальцев, потом спрятать картину на стройке. И быть арестованным на следующее утро.

— Разбить по пьяни камнем окно музея, выпить еще, забыться сном на антикварной мебели. И быть взятым с поличным — с единственной бронзовой статуэткой.

В новой книге Софьи Багдасаровой, автора бестселлера «Омерзительное искусство» (номинант премии «Просветитель-2018») вы узнаете все о том, как совершаются преступления в российских музеях и кто обычно бывает преступниками. Все описанные в книге кражи, аферы и акты вандализма — совершенно реальные исторические события, и именно поэтому они особенно удивительны. Они абсурдны — и поэтому книга наполнена особенным, абсурдным юмором. Ведь иначе об этих преступлениях с национальным русским колоритом и не напишешь.

Помимо увлекательных криминально-юмористических рассказов в книгу включены нормальные журналистские статьи про абсолютно дикое российское преступления, а также инсайдерские интервью от представителей современного арт-рынка, которые пожелали остаться анонимными, но зато раскрыли потрясающие подробности теневого антикварного бизнеса.

УДК 75(470)
ББК 85.14(2)

© Текст, Софья Багдасарова, 2019

© Рисунки, Мария Пономарева, 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-101420-9

Издано много книг, рассказывающих о криминале в сфере искусства. Однако все они, даже те, что выходят на русском языке, повествуют в основном о преступлениях, совершенных на Западе, — краже «Джоконды», подделках Леонардо и т. п. Скандалы, связанные с Россией, попадают в эти документальные расследования редко, как отдельные главы.

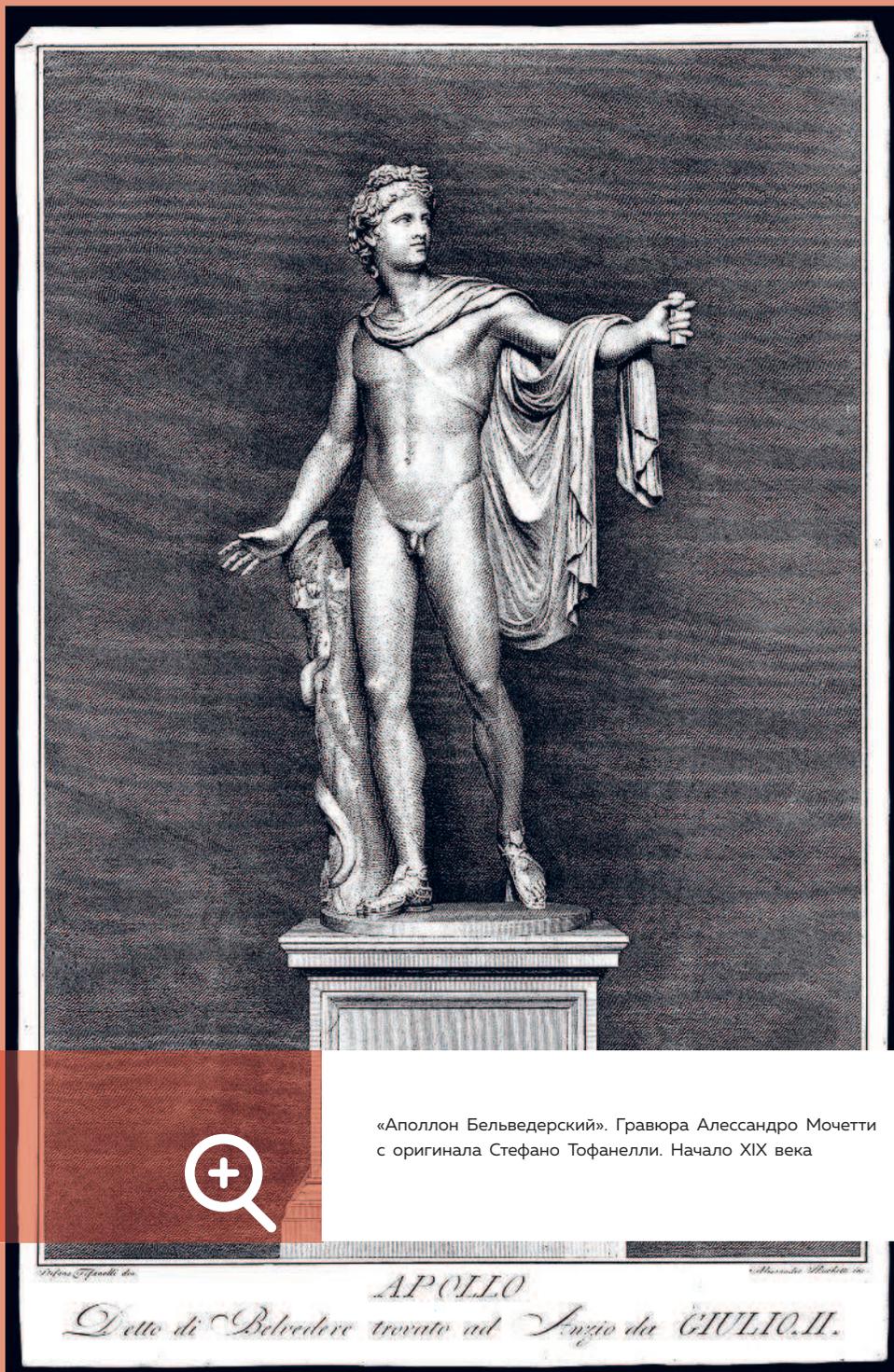
Эту лаку мне захотелось заполнить. Так что вы сейчас держите в руках первую книгу на русском языке, рассказывающую исключительно о «русских» преступлениях в сфере живописи, скульптуры и ювелирного искусства — кражах, подделках и вандализме.

Слово «русский» здесь имеет весьма широкое значение. Во-первых, речь пойдет о проблемах с работами российских художников непосредственно на территории России и Российской империи. Во-вторых, я расскажу о скандалах, случившихся с российскими произведениями на Западе. И наконец, если произведение искусства сделано иностранцем, но само преступление совершено в России, вы тоже о нем узнаете.

Отдельно предупреждаю о нестандартной стилистике этой книги. Сначала моим планом было создать обычный документальный текст, подробно и в хронологическом порядке рассматривающий знаменитые преступления и, возможно, современный криминальный арт-бизнес.

Но по мере сбора материала становилось очевидно, что первоначальный замысел не получается воплотить. Собранные в одну кучу факты, сюжеты и персонажи образовали критическую массу. Стало ясно, что русские преступления в сфере искусства качественно отличаются от иностранных. Там злоумышленниками движут хладнокровный расчет и жажда наживы. У нас же на первый план выходят глупость, надежда на авось и зачастую банальное пьянство.

Бессмысленных и абсурдных преступлений оказалось так много, что стало ясно — писать об этом серьезно невозможно. Тут нужен взгляд Салтыкова-Щедрина, Аверченко, Зошенко, а порой и Хармса. Только под этим углом, возможно, получится передать эту русскую хтонь, просочившуюся даже в тот вид криминала, который мы привыкли считать наиболее романтическим и элегантным.

«Аполлон Бельведерский». Гравюра Алессандро Мочетти с оригинала Стефано Тофанелли. Начало XIX века

Stefano Tofanelli del.

APOLLO

Allessandro Mocetti del.

Detto di Belvedere trovato ad Arzio da GIULIO II.

I | Однорукий Аполлон

С чего начать «Криминальную историю русского искусства»? Со дня возникновения современной Российской Федерации? Нет, это значит, что придется писать о еще живых и бодрых людях, которые могут воспринять книгу слишком лично. Не хочу, боязно. О них — только эзоповым языком и без фамилий. (Но все-таки напишу, читайте в рубрике «Байки».) А может, начать с позднесоветского периода, когда криминал в антикварном мире начал разворачиваться во всю силу? Но эти люди тоже еще достаточно бодры и теперь совсем мамы, см. предыдущий пункт моих волнений. А почему тогда не начать с 1945 года? Или с Революции 1917 года? Вот когда творились грандиознейшие преступления против искусства. Столько эпизодов вандализма, краж и перераспределения ценностей мир не видел. Только изготовлением фальшивок тогда не занимались — не до кропотливой работы было.

Впрочем, зачем же обделять Российскую империю? И при ней уже случались громкие преступления, не забытые до сих пор.

1900 год как граница не годится — и в XIX веке у нас происходили весьма любопытные истории, гремевшие на всю Европу. Тогда, может, возьмем как водораздел 1800 год? Но вот, смотрите, замечательная история про то, как император Павел, вступив на престол, изничтожил произведения,

прославлявшие его мать, Екатерину Великую, — например, снял статую богини Минервы с крыши Пашкова дома. Чем не знаковый случай вандализма? Но Екатерина умерла в 1796 году. Нет-нет, пожалуй, не будем дальше углубляться в историю, а то так мы дойдем и до обращения Петра с церквями и царскими регалиями, до разграбления поляками Кремля, исчезновения библиотеки Ивана Грозного и кражи драгоценного пояса княгиней Софьей Витовтовной (с рукоприкладством).

Пушкин! Пусть он, веселый и великий для русской культуры, станет нашей начальной вехой. Давайте же с Пушкина начнем нашу летопись краж, подделок и вандализма в русском искусстве XIX—XXI веков.

* * *

Княгиня Зинаида Александровна Волконская была богатая, красивая и, говорят, талантливая: и пела профессионально, и музыку сочиняла, и стихи писала хорошие, и прозой отлично, и переводчица великолепная. Ничего, правда, в историю не вошло, но это мелочи, главное, что друзья хвалили искренне.

У нее был дворец на Тверской, где часто собирались гости. Весь цвет русской поэзии. Пушкин туда приходил, Баратынский, Вяземский, Денис Давыдов, Веневитинов, Одоевский, еще Кюхельбекер, конечно, Дельвиг и так далее по списку. Приезжего Адама Мицкевича привечали, кормили, окружали душевным теплом.

В салоне программно занимались музыкой и литературой, а в карты играть было нельзя — поэтому настоящие кутилы сюда не заходили, одни очкарики. Они же, к счастью, — великие поэты, «золотой век русской культуры». Стихи все посвящали хозяйке наперебой, практически это был спорт та-

кой. «Волшебница! Как сладко пела ты!» — безответно нудел архивный юноша Веневитинов. «Как сон, как поэта живая мечта», — это уже Киреевский. «Ее стан величав, как сосна на холме», — Андрей Муравьев. «Царица муз и красоты», — Пушкин. Что делать, когда хочется много лайков и восторгов, а инстаграма еще не изобрели? Открывай литературный салон в шикарном дворце и хорошо корми гостей.

Женщин, что характерно, приглашали мало. По крайней мере, их имена в мемуарах и списках гостей не сохранились.

И вот однажды в этом дворце среди гостей завелся молодой поэт Андрей Николаевич Муравьев. Особняк этот, кстати, был роскошный, недаром в период разложения феодально-крепостнического строя там открылся гастроном «Елисеевский», с лепниной и осетрами. Подробное описание прилавков и интерьеров у Гиляровского в советское время поражало голодных читателей. Там и сейчас неплохо — будете мимо идти, в окошко загляните.

Муравьев был двадцатилетний белокурый красавчик, который очень подружился с княгиней Волконской и писал ей всякое в личку, типа «кудри спят на плечах снеговой белизны». Понятно, что плюгавого чернявого и на тот момент уже пожилого (почти тридцатилетнего) Пушкина он слегка бесил. Тем более что стихи Муравьева выходили довольно незрелые и наивные, а по понятиям того общества, в таком случае — нечего было выпендриваться.

Итак, перейдем к документации акта вандализма: был конец февраля — начало марта 1827 года. Наш молодой поэт Андрей Муравьев шел по парадной лестнице особняка Зинаиды Волконской (построенного великим архитектором Матвеем Казаковым). На лестнице стояла гипсовая статуя Аполлона Бельведерского с торчащей такой рукой.

Увалень Муравьев шел-шел по лестнице и нечаянно отломил статую руку. Уж не знаю, как надо было извернуться.

Блондин стал извиняться, просить прощения у блистательной хозяйки. И, чтобы загладить свою вину, решил поступить по-карамзински изящно — написать на постаменте покалеченной статуи поэтические строчки. Чтобы их потом другие гости литературного салона Волконской цитировали и восхищались его остроумием.

Муравьев написал:

О Аполлон! Поклонник твой
Хотел померяться с тобой,
Но оступился и упал,
Ты горделивца наказал:
Хотел пожертвовать рукой,
Чтобы остался он с ногой.

Вышло вроде бы ничего так, однако куда нам, потребителям букв в XXI веке, судить об истинном качестве поэзии. В ту эпоху люди в стихах разбирались лучше, и экспромт Муравьева показался им глупым фанфаронством молодого выскочки. Лично же я, как человек, измученный ремонтом, отмечу, что ни один из мемуаристов не записал что-нибудь типа: «Муравьев сразу же предложил компенсировать затраты на ремонт статуи и дал денег на придельывание руки обратно / Муравьев немедленно написал папе римскому в Ватикан, попросил выслать новый слепок, оплатил почтовые затраты / Муравьев сразу же подарил княгине взамен совершенно потрясающую и целую статую другого обнаженного мужчины». Значит, Муравьев ограничился только написанием стишков. Значит — действительно дешевый фанфарон. Пацан сказал, а мужик бы сделал.

А Пушкин же был человек злой, остроумный. Блондинов не любил. И Зинаиду Волконскую, если честно, тоже не очень любил — подсмеивался. И над ней — с ее талантами, и над ее протее, с плечами снеговой белизны. А «Недоросля» Фонвизина любил, пьесу. За богатство образов.

Услышал он о случившемся вандализме (лишение статуи конечности и исписывание ее рифмованным граффити), и испытал истинное страдание. Тонкой души человек. Поэтому решил написать Муравьеву гадость.

Сочинил эпиграмму. Да еще и добился ее публикации в многотиражке:

Лук звенит, стрела трепещет,
И клубясь, издох Пифон;
И твой лик победой блещет,
Бельведерский Аполлон!
Кто ж вступился за Пифона,
Кто разбил твой истукан?
Ты, соперник Аполлона,
Бельведерский Митрофан.

Андрей Муравьев
на рисунке
Михаила
Лермонтова.
1835-1837.
ИРЛИ РАН

Потом, правда, Пушкин слегка переживал, что дальше будет, после того, как Муравьев это издевательство прочтет. Другу Пушкин жаловался: «Однако ж чтоб не вышло чего из этой эпиграммы. Мне предсказана смерть от белого человека или белой лошади, а NN — и белый человек, и лошадь».

Невысоко ценили умственные способности Андрея Николаевича Муравьева в тесном кругу интеллектуальной элиты пушкинской поры.

Еще хуже отреагировал поэт Евгений Баратынский, правда, печатать не стал — нашли потом в черновиках.

Убог умом, но не убог задором,
Блестящий Феб, священный идол твой
Он повредил: попачкал мерным вздором
Его потом и восхищен собой.
Чему же рад нахальный хвастунишка?
Скажи ему, правдивый Аполлон,
Что твой кумир разбил он как мальчишка
И как щенок его загадил он.

Отрадно читать, как сплотились поэты, осуждая первый заметный акт вандализма в русском искусстве.

Муравьев потом нашел себя — стал православным духовным писателем и принялся работать в Священном Синоде.

Пушкина убил другой блондин. Баратынский пять лет спустя тоже умер, внезапно и загадочно. Волконская приняла католицизм и уехала на постоянное жительство в Рим, где жила долго и счастливо в еще более роскошном дворце.

Неизвестной и вызывающей беспокойство остается только судьба гипсовой статуи Аполлона Бельведерского.

ИНТЕРМЕДИЯ № 1

Ночь в музее по-русски

По сообщению портала новостей «Фонтанка.ру», в ночь на 15 июня 2018 года 30-летний Дмитрий Лапаев, прибывший в Санкт-Петербург из города Саянска (Иркутская область), оказался в Государственном музее-заповеднике «Павловск». Находясь в состоянии алкогольного опьянения, около 2 часов ночи он разбил камнем стекло двери музейного кабинета «Палатка», залез внутрь и начал самостоятельную экскурсию. Прибывшие на срабатывание сигнализации сотрудники ЧОП «Калибри гарант» признаков проникновения во дворец не обнаружили и уехали прочь.

Позже на суде Лапаев расскажет, что его главной целью было найти место, чтобы переночевать: «Я неофициально работал сборщиком стеллажей и случайно оказался рядом с местом преступления. Ждал начальника, чтобы он отвез меня на объект. Не дождался, стал искать ночлег».

Внутри здания Лапаев провел около четырех часов, многократно нарушая главную музейную заповедь — «Экспонаты руками не трогать». Что и зафиксировали камеры видеонаблюдения. В покоях императрицы Марии Федоровны Лапаев употребил принесенный с собой алкоголь и заснул на предмете мебели XIX века.

Из всех экспонатов, выставленных в залах дворца, Лапаеву особенно приглянулась статуэтка в стилистике александровского ампира из кабинета «Фонарик», возможно, принятая им за золотую. Согласно заявлению работников музея, это было «пресс-папье золоченой бронзы, Россия, Санкт-Петербург, 1814 г., в виде мужской фигуры бегущего ополченца, держащего французское знамя в правой руке, в поднятой левой — шляпу, на прямоугольном основании, на котором выгравировано: *Для вечной памяти сражения при*

Полоцке въ октября 8 дня 1812 год». В Павловский дворец, согласно архивным документам, пресс-папье поступило вскоре после создания.

Предварительная стоимость предмета, по оценке музея, составляла 5 млн рублей, потом музей понизил сумму до 950 тысяч, отметив, что аналоги этого редкого пресс-папье хранятся только в Эрмитаже и Историческом музее.

Покинув дворец, мужчина залез в киоск с мороженым, расположенный неподалеку. Там он вскрыл кассу, забрал оттуда 3 тысячи рублей, после чего поехал в Петербург на электричке. Разбитое окно и кража были замечены сотрудниками музея после прихода их на работу, около 9 часов утра, тогда же была вызвана полиция.

По-прежнему пьяный мужчина был задержан правоохранительными органами днем того же дня неподалеку от Сенной площади. Похищенное пресс-папье находилось при нем — правоохранителям Лапаев сначала заявил, что нашел его в канаве.

Приговор Лапаеву по статье 158 Уголовного кодекса РФ был вынесен в октябре 2018 года. Он был признан виновным в двух эпизодах кражи — из дворца и из киоска с мороженым. Пушкинский районный суд приговорил его к двум с половиной годам лишения свободы в колонии общего режима. В качестве ущерба обвиняемый должен выплатить 79 347 рублей — в эту сумму музею обошлась реставрация статуэтки ополченца, которой Лапаев, по собственным словам, «отломал флажочек».

В ходе слушания в суде Лапаев полностью признал вину, раскаявшись в содеянном.

«Я даже не понял, что попал в музей», — передает его слова объединенная пресс-служба судов Петербурга.

Похищенное бронзовое пресс-папье с фигуркой ополченца

Кабинет «Фонарик» в Павловском дворце

Владимирская Богоматерь в полном драгоценном окладе. Рисунок Федора Солнцева из издания «Древности Российского государства», 1846–1853

II

Изумруды Успенского собора

Загнивающая Российская империя, 1910 год, ночь на восьмое апреля. Четыре часа утра. Темен Кремль, символ царизма, темны кремлевские соборы, вместилища опиума для народа. На посту стоит часовой по имени Алексей Казимиров, и он не дремлет, несмотря на час волка. Он слышит звон стекла, бежит на звук и видит, как в окошке белокаменного собора Успения Пресвятой Богородицы образовалась большая дыра.

Часовой поднимает тревогу, будит сторожей, спавших в храме Двенадцати апостолов. Двери собора на ночь закрыты — преследовать вора внутри здания невозможно. Собор оцепляют военным караулом: из окна не вылезти, с крыши не спрыгнуть. Сейчас же телефонный звонок раздаётся в квартире начальника Московской сыскной полиции Аркадия Кошко. (Звонок — дело нередкое в загнивающей империи, в ту пору в Москве было уже более 50 тысяч абонентов.)

Кошко в своих мемуарах оставил подробное описание дальнейших событий. Дочитаете мой труд, беритесь за его трехтомник — восхитительные воспоминания, детективные рассказы из реальной жизни. Все великолепным русским языком написано: там еще трупы без головы, массовые убийства детей-подмастерьев, кражи драгоценностей у графинь и поиски силами полиции сбежавших кошечек.

Двери Успенского собора отпирают в присутствии полицейских чинов, они начинают обыск. «Да что там обыскивать — плевое дело!» — скажут сегодняшние завсегдатаи музеев Московского Кремля, которые помнят, как этот храм выглядит изнутри: стены сплошь во фресках, иконостас, чего-то там вдоль стен (надгробия патриархов). Однако учтите: в нашей оперативной памяти внутренние виды кремлевских соборов — в том состоянии, до которого их довели большевики. Эти товарищи активно выступали против ненужной роскоши, избыточного дизайна интерьеров, а также за музеефикацию изживших себя религиозных объектов, а еще лучше за их распил или переплавку. (Например, в 1922 году в Гохран из Успенского собора было передано 13 ящиков с 76 пудами серебра — около 1200 килограммов: оклады икон, раки, подсвечники, лампы, прочая утварь. Сотни икон из кремлевских соборов передавались в Исторический музей, Третьяковскую галерею.) Так что тогда, в 1910 году, Успенский собор внутри еще не был светлым, хорошо проветриваемым помещением, где без толкотни спокойно могут разойтись шесть-семь (но не восемь!) групп китайских туристов. Скорей, он напоминал магазин антикварной мебели, плотно заставленный образчиками декоративно-прикладного и прочего искусства, где по проходам едва пробираешься, боишься плечом опрокинуть.

Но тут ущерб бросился в глаза сразу. Та самая «Владимирская Божья Матерь», которая главная русская икона, тогда висела в огромном киоте два метра высотой, похожем больше на шкаф — резной, позолоченный. Внутри этой сени икона и стояла, в золотом окладе с драгоценными камнями, среди которых особенно выделялись два изумруда размером почти со спичечный коробок, карат по 20 (оплачено патриархом Никоном в XVII веке, и оплачено щедро).